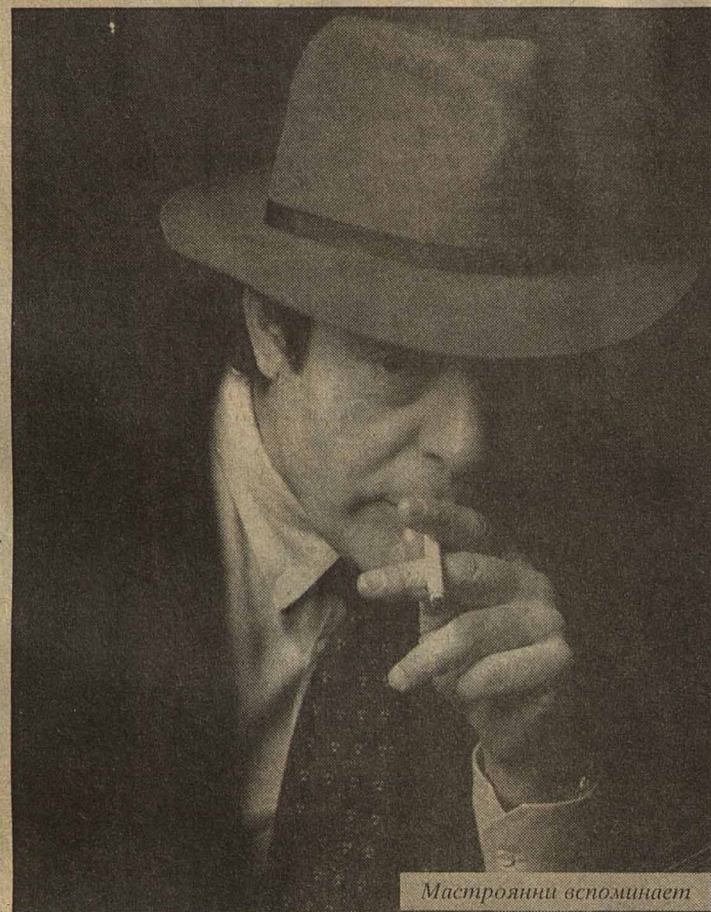

Мастроянни вспоминает

Вместо исповеди М. АРКАДЬЕВА, по материалам итальянской прессы

У него, как говорят в Италии, "конячий насморк". Он только что вышел из больницы – спускаясь по лестнице итальянского консульства в Париже, поскольку зол на весь мир. Не из-за сломанных ребер – спастутся! "Курить не дают, шут бы их побрал", – огорчается он... – и просительно: "Сигаретки не найдется?" Сердится на телевидение. Особенно на продюсеров и прокатчиков. Потому что способствуют распространению вульгарных фильмов.

Мы сидим в кафе на Сен-Жермен, куда он приходит

ежедневно, чтобы почитать итальянские газеты. "Ну просто тошнит, каждый день одно и то же!" – Марчелло фыркает, как кипящая кофейница, кашляет и говорит, говорит... Он так же словоохотлив, как бывает порой первый встречный, с которым вдруг случится поболтать. Интервью с Марчелло Мастроянни? Вопросы – ответы – это игра не для него, она ему неприятна, ограничивает фантазию, слишком официально и потому глупо. Он вообще не признает никакой дисциплины, и наше раннее каково как-то незаметно превращается в дружескую встречу, отмеченную потоком воспоминаний, ассоциаций, шуток, анекдотов и забавных историй. А через два часа, когда мы расстаемся, я уношу с собой теплое воспоминание о человеке, который подарил приятное утро за столиком бара... А то, о чем мы говорили, лучше всего передать в форме его монолога.

– Сейчас вот на экраны Италии снова вышел старый фильм – "Особенный день"

Марчелло Мастроянни о себе и многом другом

Два недавно вышедших на итальянские экраны фильма привлекли внимание и зрителей, и прессы: "Особенный день" и "Утверждает Перейра". Первый снят несколько лет назад, и вниманию публики его представили в рамках празднования окончания второй мировой войны. Второй – премьерный, это новая работа итальянского режиссера Роберто Франца. Говорили об этих фильмах не только потому, что действие обоих разворачивается в конце сороковых годов, в момент разгрома фашизма в Европе. Но и потому, что в них снялся известнейший итальянский актер Марчелло Мастроянни. Публикуем фрагменты бесед с этим любимцем кинозрителей всего мира, взятые из итальянских газет "Унита" и "Стампа".

режиссера Этторе Сколы. Один из моих самых любимых. И один из самых прекрасных итальянских фильмов. Помню, с какими трудностями он снимался. Многие сомневались, говорили, что он не пойдет, его не поймут, потому что на экране практически ничего не происходит. А ведь на самом деле это настоящая жемчужина, именно потому, что он получился как бы из ничего. Там играет Софи Лорен – она естественна, правдива, прекрасна – она здесь лучше, чем во многих других лентах, где из всех сил стараются подчеркнуть ее телеса...

Хочешь какую-нибудь смешную историю? Почему каждый, кто приходит ко мне поговорить, ну непременно желает услышать что-нибудь пошлее, какой-нибудь анекдот из моей жизни... Вы же не претендуете на то, чтобы чиновник, который ежедневно ходит на работу в офис, каждый раз рассказывал бы анекдоты о своей работе... Вернемся к фильму. Он был представлен на "Оскара". Мы с Этторе Сколой отправились в Голливуд. Вот уж базар! И все-таки американцы, надо отдать им должное, умеют подавать свои премии, организовывать церемонию вручения. Не то что у нас в Италии! Итальянские премии не имеют ни веса, ни ценности. Даже те, что раздают на Венецианском фестивале. У всех, кто сюда приезжает, остается ощущение ужасного беспорядка во всем; какая-нибудь актрисочка, которой поручено объявлять о присужденных премиях, непременно потеряет нужный листок и будет что-то бубнить в микрофон, а уважаемая публика приходит на церемонию вручения одетая кое-как – джинсы, рубашки из

штанов повывлазили... Уж если пришел на торжественный вечер, так изволь соответствовать моменту!

Да нет, я не пессимист, никакой депрессии у меня нет. И вообще не собираюсь жаловаться. Ворчу – это так. Потому что мы все захлебываемся в пошлости, банальность нас просто захлестнула. И работать не любим. Феллини мне однажды рассказывал об одной своей поездке в Японию. Он отправился получать какую-то кинопремию, и вручить ее должен был президент "Хонды" или кто-то еще такого же ранга. После торжества этот "хозяин" пригласил Федерико посетить его предприятия. Приехали на место, и японцы говорят: "Извините, желает услышать что-нибудь пошлее, какой-нибудь анекдот из моей жизни... Вы же не претендуете на то, чтобы чиновник, который ежедневно ходит на работу в офис, каждый раз рассказывал бы анекдоты о своей работе... Вернемся к фильму. Он был представлен на "Оскара". Мы с Этторе Сколой отправились в Голливуд. Вот уж базар! И все-таки американцы, надо отдать им должное, умеют подавать свои премии, организовывать церемонию вручения. Не то что у нас в Италии! Итальянские премии не имеют ни веса, ни ценности. Даже те, что раздают на Венецианском фестивале. У всех, кто сюда приезжает, остается ощущение ужасного беспорядка во всем; какая-нибудь актрисочка, которой поручено объявлять о присужденных премиях, непременно потеряет нужный листок и будет что-то бубнить в микрофон, а уважаемая публика приходит на церемонию вручения одетая кое-как – джинсы, рубашки из

что и с ним не так-то все было хорошо. Ну тогда уж просто не знаю. А что касается телевидения, оно меня бесит – и как обыкновенного зрителя, и как человека, принадлежащего к миру кино. Качественных программ нет, телевидение все более скатывается вниз, становится все вульгарнее. Бесконечные телеигры, певички и певички – какое убожество! А сериалы! Убил бы авторов! А ведь можно кое-что сделать – появляться и на телеэкране хорошие актеры, но, увы, редко.

Зрители же все глотают – по наивности. Как можно забыть о том, что зрителя надо воспитывать? Итальянское кино после окончания второй мировой войны в течение тридцати лет этим занималось. Ненавязчиво, тщательно выбирая средства воспитания. У меня есть дочь, она живет в Париже, начала сниматься в кино. Я привез ей из Рима кучу кассет – "Умберто Д", "Шуша", "Пайза", "Брак по-итальянски"... Прекрасные фильмы, настоящее кино! Наши ленты нравились всему миру – и неореалистические, и "комедии по-итальянски". Все завидовали нашей способности к самоиронии. До сих пор нас за это на руках носят. А мы тем временем потеряли эту способность – высмеивать самих себя. Помню, когда мы с Этторе Сколой были в Голливуде, Мартин Скорсезе пригласил нас к себе, на свою виллу. Так вот, все стены у него были завешаны итальянскими киноплакатами, ничего другого – только итальянское кино. Американский андерграунд очень много взял у нас и распространил свое кино по всему свету...

Мне тяжело без конца цитировать Феллини, но столько с ним связано, – ведь мы были очень близкими друзьями, он много рассказывал мне. Однажды он зашел в один римский кинотеатр – не знаю, что уж там показывали. Говорит: в зале сидели пара стариков и молодой парень. Он развалился на стуле, ноги задрал на спинку впереди стоящего ряда, на голове наушники – музыку слушал. Возмущенный старик послал его в задницу, но он и этого не слышал. Изобразив сценку, Федерико в отчаянии спросил меня: "Для кого я снимаю фильмы? И как мне их снимать?" Понимаешь? Он чувствовал свою ответственность! А вот телевизионщики задают себе такие вопросы? Получили зарплату и ладно... По телевидению если что и смотрю, так это документальные фильмы о второй мировой войне. Почему? Мне интересно. Помню, когда Гитлер посетил Рим, я был мальчишкой. Конечно, принимал участие в молодежной фашистской организации "Балилла". Когда Гитлер должен был приехать в столицу, нас выстроили на вокзале, я был горнистом – стоим, ждем, продрогли насмерть...

Еще по телевидению смотрю документальные фильмы о животных. Вчера показывали одного англичанина, седой такой старик, он держал на руках шимпанзе, детеныша, и обезьянка так на него смотрела, этот взгляд забыть нельзя. Потом показали двух гиен – гиену-мату и гиену-дочку, потом несколько зебр – такие красавицы! Вот это по телевидению можно смотреть! А вообще пошлость – не только проблема телевидения. Печать тоже внесла свой вклад. Вы видели обложки еженедельников "Эспрессо" и

"Панорама"? Заголовок: "Война в Сараево". Фото: обнаженная девушка на четвереньках... Ну как можно! Свести женщину до уровня четвероногого животного. Да, да, так и напишите: Мастроянни говорит, что на женщин смотрят, как на скот, как на коров, – особенно "Эспрессо" и "Панорама". Хотелось бы спросить: где же наши феминистки? Почему бы им не атаковать редакции таких еженедельников, не разнести все в пух и прах? Почему они позволяют, чтобы женщин так унижали! Черт побери, я столько женщин любил за свою жизнь, они и сейчас меня притягивают, хотя мне уже семьдесят.

За что же их лишают женской привлекательности и достоинства? Мне говорят: так быстрее журналы продадут, и вообще обложка должна привлекать внимание, вот, дескать, внутри все настоящее, и статьи хорошие. Не знаю, по мне уж если снаружи дерьмо, не жди золота внутри. Я бы не говорил об этих обложках, если бы считал это пустяком. На мой взгляд – это симптом болезни, это признак распространяющегося по стране варварства. Опять скажете, что я старею, что стал занудой? Но посмотрите – многим молодым вся эта грязь и пошлость тоже надоела, если они любят, так страдают и плачут и часами висят на телефоне...

Может быть, я и зануда и ворчу, но все равно смотрю на жизнь с оптимизмом. И синоп-

ру с белой бородой там, в небесах, говорю: не обращай на меня внимания, пусть я еще поживу! Помнишь, как я говорил в одном фильме: жизнь меня любит, потому что я ее обожаю. К счастью, еще удастся поучаствовать в хороших фильмах. Очень хочется надеяться, что лента "Утверждает Перейра", которую снял Роберто Фазнца, пройдет с успехом. Увы, мы все попали "в окружение" к американским фильмам, этим суперколосам заокеанского производства. Смотрел "Франкенштейна" с Де Ниро – настоящая буффонада! Разве можно его сравнить с картиной, где играл Борис Карлофф – по сравнению с Де Ниро он просто гений. А ведь в те времена считалось, что его фильм принадлежит к категории "Б", теперь же этот жанр считается самым – самым. Приходишь в кинотеатр, буквально пьянеешь от спецэффектов, выходишь на улицу – в голове ничего не осталось.

Вот "Особенный день" мы снимали простенько, в павильоне. Помню, пришел к нам на съемки рано утром, в павильоне полно рабочих, здороваются:

- Доброе утро!
- Привет, ребята, как дела?
- Да вот, хотели вам сказать... Мы здесь "Сладкую жизнь" снова видели, – с вами...
- А, это приятно! Ну и как?
- Да снова ни хрена не поняли!
- Вот и анекдотец!

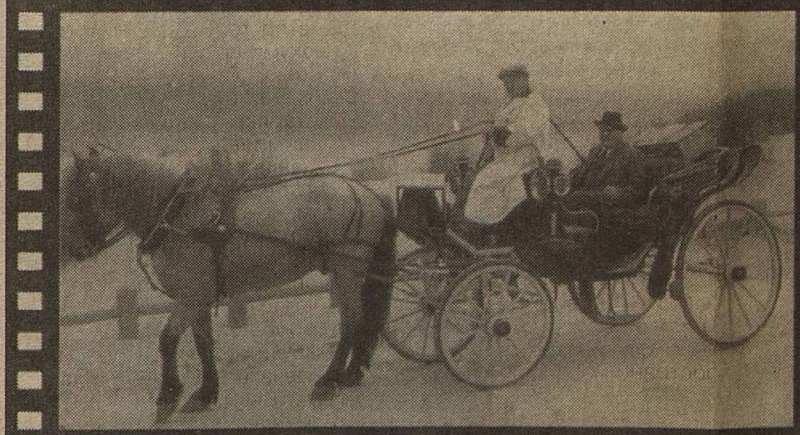
Да, кино – вся моя жизнь. Я снялся в 150 фильмах. Когда работаю, лучше себя чувствую. Съёмочная площадка вдыхает энергию. Если не снимаюсь, ощущаю, как тяжело, становлюсь серым, невзрачным. Особенно вдохновила меня последняя роль, в которой я снялся, – журналиста Перейры в фильме Роберто Фазнца "Утверждает Перейра". Может быть, потому, что я играю человека почти моего возраста, но этот молодой газетчик мне особенно близок. Воспринимаю его как дорогого друга, восхищаюсь им, ведь необходимо немалое мужество, ум, способность сострадать, чтобы на склоне лет решиться на такие кардинальные и такие болезненные перемены в жизни.

Я испытал эти чувства по отношению к моему герою, еще когда читал роман Табуки, потому что у Перейры есть такие черты, каких нет у меня, – деликатность, сердечность, интеллигентность. И склонность к меланхолии, это человеческое качество меня всегда трогает. Такие персонажи в современном кино встречаются редко – разве что театральным актерам удается порой создавать подобные образы. Из множества фильмов, в которых я сыграл, таких ролей на мою долю выпало не более пятнадцати.

Не могу сказать, что мне было очень трудно "войти" в этот образ. Даже искусственный животик не слишком тяготил. Хорошо, что фильм снимался

в Европе, не в Америке, там меня заставили бы потолстеть, как поступили с Де Ниро, когда он снимался в "Бешеном быке". А я толстеть не хочу, я еще ничего – любой может пощупать, какой у меня пресс.

В Перейре меня прежде всего поразили его заряд гуманизма, его мягкость и благодушие. Он тяжело переживает личную трагедию – смерть жены, уходит в себя, замыкается в своем офисе, отгораживаясь от невзгод остального мира, от тех обязанностей, от которых ни один человек отказываться не должен бы. И в этом я тоже чувствую свою близость к нему – он принадлежит к тому типу людей, которые могут долго и терпеливо молчать, но в конце концов взрываются. С ним такое произошло, со мной пока нет, но подождите, имейте терпение. Хотя нет, вряд ли подобное случится, меня никогда не тянуло заниматься политикой. Высоко-лобые интеллекту-

Кадры из фильма "Утверждает Перейра". Знаменитый актер в роли Перейры. Фото из еженедельника "Панорама"

лы всегда подавляли. Еще когда я посещал Ва Вено, римский центр "сладкой жизни", то пускался наутек, едва завидев кого-нибудь из них. Мне лучше в компании режиссеров-профессионалов.

Но вернемся к фильму. Хотя действие происходит в Лиссабоне в 1938 году, в период расцвета салазаровской диктатуры, нужно быть совершенно слепым, чтобы не видеть его связи с современностью, не понять, что лента обращена к нам, что это – фильм-предупреждение. Мы

все должны быть внимательными к тому, что происходит. Хотя мне хочется думать, что возвращение к тоталитаризму невозможно, все сейчас уже не так, как было пятьдесят лет назад, люди получают больше информации, у каждого есть собственное мнение.

Многие спрашивают: ты говоришь, что Перейра похож на тебя, а ведь его постоянно преследуют мысли о смерти. Значит, и в этом ты на него похож: Феллини – прошу прощения, что снова его цитирую, что подделаешь, не могу иначе – сказал мне как-то: "Увидишь, когда тебе исполнится шестьдесят, ты начнешь думать о смерти". Он был прав. Я постоянно об этом думаю хотя это и неприятно, и страшно. Прошлой ночью видел во сне китайца, чертами лица напоминавшего хищную птицу, он заглядывал в окно и явно хотел заклевать меня... Может, я за ужином переел?